

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

ЖУЖЖАНИЕ ЖУКА

Полевые и не очень
дневники орнитолога

ЖУЖЖАНИЕ
ЖУКА

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

ЖУЖЖАНИЕ ЖУКА

Полевые и не очень
дневники орнитолога

УДК 59
ББК 28.6
А87

Архипов, Владимир Юрьевич.

Жужжание жука : полевые и не очень дневники орнитолога / Владимир Архипов. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-04-211760-2

Если вы любите природу, но вам не часто удается на нее выбраться, если вы зимой скучаете по лету, а осенью — по весне, то эта книга — для вас. В ней собраны очерки Владимира Архипова, биолога, орнитолога, старшего научного сотрудника Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН и автора странички «Жужжание Жука» в «Живом Журнале». Прогуляйтесь с ним по лесным тропам, услышите поющих в голубом небе жаворонков, ощутите дыхание легкого ветерка, почувствуйте аромат трав в летний знойный день. Личные истории и наблюдения автора делают каждую запись особенной, позволяя прочувствовать нашу тонкую связь с миром природы.

УДК 59
ББК 28.6

ISBN 978-5-04-211760-2

© Архипов В.Ю., текст, 2025
© Мурашев И.А., иллюстрации, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Содержание

ОТ АВТОРА	7
ВЕСНА	9
ЛЕТО	135
ОСЕНЬ	199
ЗИМА	315

От автора

Чтобы полюбить чай с чабрецом, нужно сначала вдоволь нагуляться по степям на Дону, за Волгой или в предгорьях Алтая. Пройти десятки, а может быть, и сотни километров под поющими в голубом небе жаворонками. А ещё лучше навлюбляться там в Донских или Приволжских степях, навстречаться закатов и рассветов. Надышаться настоящим на полыни и чабреце травяным воздухом. И тогда чай с чабрецом окажется не просто чуть терпкой, ароматной и горячей жидкостью, а волшебным напитком, который с каждым глотком будет напоминать вам о счастливых временах и любимых местах.

Эти очерки для тех, кто любит природу, но не может прямо сейчас на неё выбраться, для тех, кто скучает зимой по лету или осенью мечтает о весне. Для тех, кто пытается вспомнить, что же такого прекрасного бывает, например, в ноябре. Эти очерки — моим родным и друзьям.

Я много лет вёл дневники природы — сначала настоящие бумажные, потом на страничке в Живом Журнале, которую назвал «Жужжание Жука». И время от времени сам с удовольствием их перечитывал. Дневники со временем становились всё более и более лиричными. Мне показалось важным передать свои ощущения и переживания в конкретный момент, а не чистые факты. Потом я понял, что самому интереснее читать записи не в хронологическом порядке (тем более что веду дневники с перерывами), а по определённым сезонам. В зависимости от настроения что-нибудь про зиму или про лето. Так получилась эта книга, где дни рассортированы по временам года, по точной дате марта или апреля и уже потом по годам.

Ну а раз хронологического смысла в ней не много, то читать дневники можно с любого места.

Так как я орнитолог — изучаю и собираю голоса птиц, то много где побывал. Особенно часто выбирался в экспедиции на российский Дальний Восток. Но в этой книге я решил ограничиться Европейской Россией: мне кажется, природу именно средней части России я лучше всего понимаю. И, наверно, больше всего люблю. Поэтому родное село Ольгово в Подмосковье и ставшее даже более родным Пущино, а также окрестности любимых заповедников Рдейского, Окского, Центрально-Лесного, Приокско-Террасного, национального парка «Смоленское Поозерье» — основные места действия «Жужжания Жука».

В дневниках мельком, но нередко появляются близкие и родные мне люди — мои жена Оксана и сыновья Митя и Федя, мама и папа. Сыновья на протяжении дневниковых лет взрослеют от совсем маленьких до уже о-го-го. А ещё там встречаются друзья и товарищи по работе, разделившие со мной любовь к природе и путешествиям. Всем им огромное спасибо.

Рисунки в книге руки Ильи Мурашёва, моего частого спутника по прогулкам в окрестностях Пущина и не только, появляющегося в дневниках под именем Илья. Спасибо, дружище, за рисунки и за компанию.

И особая благодарность дорогим Николаю Свечину, Александру Инкину и Владу Тарасенко: в основном благодаря их усилиям и поддержке дневники превращаются в книгу.

Весна

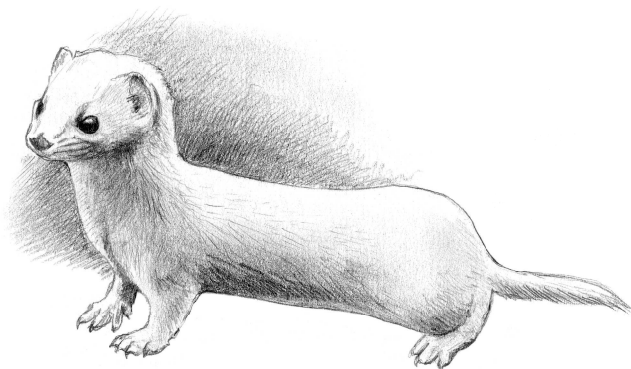
Великий Новгород, 1 марта 2016 года

В 6:10 утра поезд прибыл в Новгород. Темно и морозно. Я из жаркого вагона выпрыгнул в сумеречный холод. Съёжился и бегом в «Макдоналдс». Там только открыли. Ролл, кофе, апельсиновый сок, точнее, наоборот. Пока завтракаю, смотрю, как темень за окнами в синеву переходит — светает. А утро обещает быть ясным.

Ладно — хватит в кафе прятаться, пойду в центр встречать рассвет. У кремля в парке уже распеваются зеленушки и щеглы, синицы и пищухи. Вокруг туманно, а вверху синее небо. Прямо на глазах восходящее солнце подсветило мягкий туман у кремлёвской стены, и он вмиг стал золотым и розовым. Призрачные колокольни и маковки за цветным туманом проступают. Смотрю, у кромки древнего рва две вороны что-то маленькое на земле преследуют, подошёл поближе — гонят ласку. Она белая — на снегу и не видно издалека. Вороны отлетели чуть — меня сторонятся. Ласка воспользовалась моментом и скок на липу, и вверх-вверх, да высоко — метров на девять забралась, прижалась к широкому стволу, дрожит. А вороны над ней на липе, на макушке, каркают. Видят, я не ухожу, посидели, покаркали и улетели. Ласка сначала на сучок перебралась, потом тихонько, хвостиком вниз, с липы спустилась. И прыг-прыг, метровыми прыжками под мост убежала.

А туман вокруг янтарный, медовый, и где погуще, то там как малиновое варенье. Широленные солнечные лучи сквозь ветви дубов и лип, сквозь чугунные решётки ворот пронзают его. Красота! Я как могу фотографирую, да сосредоточиться не получается. Слишком будоражит меня это утро. Тут и птицы поют, и светящийся туман клубами с Волхова, и солнца восход.

Всё, поднялось солнце — спину стало греть, и мороз ушёл. А с новыми птицами и совсем весна настала. Синицы разные, поползни, зеленушки поют, не замолкают. У вокзала по шпалам первые грачи ходят. Интересно, почему они всегда сначала у железнодорожных станций оказываются? Летят они, что ли, на север вдоль путей? Над рельсами да вслед за поездами.

Пушино, Московская область, 2 марта 2015 года

Шестилетний Федя роется в своём кошелёчке, достаёт бумажку.

- Пойду стольничек Мите дам.
- А зачем?
- Да так. Побалую.

Холм, Новгородская область, 2 марта 2016 года

Весь день идёт лёгкий пушистый снег. И укрыло им всё: и крыши домов, и деревья, и уже было протаявшие дороги. Слегка морозит. А птицы в нашем одноэтажном городке всё равно поют. Большие синицы, лазоревки, а с ними щеглы, зеленушки. Все вместе заливаются весь день и не дают нам забыть, что всё-таки весна.

Пушино, 2 марта 2022 года

Второй день весны. Я говорю ей: «Подожди, не торопись, побудь зимой. Меня подожди... Может, договорятся, вдруг одумаются и остановятся, разом. А?»

Глупо, конечно, что-то просить у природы. Люди-то друг друга не слушают. Вот и весна началась и никого не слушает. Да и началась как — та-

ких красивых первых дней весны я даже не припомню. Синий бескрайний небосвод. Белый, слепающий на солнце снег, за ночь превращающийся в асфальт. Утром беги куда хочешь — хоть к дальним проталинам на склонах балок, хоть на Оку по целине. Везде пройдёшь, пролетишь. Ока поднялась и затопила ивняки, но лёд пока мощный; и ледяные поля стоят, по ночам хорошо морозит.

Безбашенные рыбаки прокладывают на лёд из досок переходы. И сидят на середине реки, грея на солнце спины. У них там, похоже, клюёт: плотва разная, густера и даже подлещики, наверно.

А ещё сейчас есть сладкие сосульки на кленовых ветвях, бьющие ритм синички среди жилья, звенящие колокольчиками лазоревки в дубняках, свистящие поползни. В березняках пахнет берёзовым соком. Зелёные дятлы хохочут на опушках, в тихом лесу средние пёстрые тянут мартовскими котами, наскрипывают скороговорки сойки. Но все звуки ещё не хором, а по очереди, с большими паузами тишины. Песни и птичьи голоса в лесу пока как мерцающие огоньки: там кто-то пропоёт, затихнет, в другом месте кто-то прокричит. Весна-то только начинается.

Грачи летят на север над белыми просторами, на городском грачевнике ещё тихо, хотя первые пары уже есть. И вообще дни очень тихие — самолёты теперь над нами не летают, ветра нет, да и машины даже меньше ездить стали. Я знаю и всё время помню, что не так уж далеко, прямо по нашей дороге, и в помине нет тишины, и от этого моя только пронзительнее. Остановишься отдышаться, и слышно, как бухает сердце и как тихо-тихо поёт где-то в кронах снегирь.

Вот и муза моя не совсем молчит, а почти шёпотом, но упрямо бубнит под нос снегирём. Мира нет, а мир — земной шар есть, и там весна. Я из мира — земного шара зачерпываю весну в ладони, как воду из родника, и бегу до дома, боюсь расплескать. Но руки, похоже, потряхивает, ничего почти не доношу. А когда к самому порогу подхожу и вижу знакомые ёлки на алее, сжимается сердце.

Пушино — Ольгово — Пушино, Московская область, 2–7 марта 2024 года

Столько снега нам насыпало за эту зиму, что яркое мартовское солнце ничего не может с ним поделаться. Старается солнце изо всех сил: целых шесть дней подряд светит и слепит, а сугробы, кажется, и не уменьша-

ются. С крыш немного капает, к обеду по дорожкам крохотные ручейки прорезаются, чтобы вечером опять замёрзнуть. Идёшь, ногой ледок ломаешь, торопишь весну.

В выходные мы ездили в Ольгово на день рождения мамы, а там снегу ещё больше, чем в Пущине. По самые окна деревенских домов сугробы, а где с крыш съехало, так и по крыши снегу. Ночами крепко подмораживает, скрипит под ногами, хрустит льдом. В темноте пока зима царствует, сверкает северными сияниями, показывает зимние созвездия. Правда, коты орудия гонят её со двора уже вовсю.

Утром же, стоит только выглянуть солнцу, сразу видно и слышно весну. Птицы поют, дятлы барабанят. В Ольгове в старом парке на вековых тополях пели даже никогда там не виданные мной клесты.

На вербах от тёплого солнца появились пушистики. Поотлетали с почек чешуйки, и высунулись на бордовых веточках серебристые заячьи хвостики, несмотря на то, что сами кусты торчат пока из глубоких сугробов.

Ну а на клёнах повисли сладкие сосулечки: как только пригреет днём, течёт по веткам и капает с сосулечек кленовый сок, как подморозит — растут сосулечки. Разные птицы прилетают его пить — синицы, поползни, дятлы. Некоторые так там у клёнов и поют. Из новых поющих попался мне у старого клёна ярчайший жёлтый с чёрной шапочкой чиж.

Ходить пока ещё очень сложно, больших оттепелей не было, поэтому и наста нет. Так что по снежной целине — либо на лыжах, либо по снегоходному следу. А ходить хочется — тянет весной вдаль невероятно. Выйдешь на опушку, щурясь как спросонья, оглядишь сияющую округу. Вот он — белый свет!

Пущино, 3 марта 2009 года

Сегодня был самый настоящий весенний день. С утра об этом знали только синицы. Я-то удивлялся им, чего звенят без умолку, зима ведь, зимой? Но к обеду снег под ногами размяк и намок. С крыш закапало, застучало. А уже часам к двум выглянуло солнце, да так хорошо засветило, что грело почти до шести вечера. И небо было синее. И сизари, танцуя, кружились под ногами. И странным голосом, булькая, икая, да себе, наверно, удивляясь, пела на тополе ворона!

Холм — Сопки, 3 марта 2016 года

За окном раззвенелась большая синица. Открываю дверь на улицу — в кроне лиственницы две зеленушки перебирают трели. И лазоревка ещё поёт. Но я не собираюсь бежать их записывать, не буду сейчас тратить на них время. Вечером мы с Наталией едем в лес на свиный учёт.

За час до заката лес тих, чуть сиреневые облака высоко. Ёлки... Ёлки темнеют. И меж ёлок белая лесная дорога, по которой с последнего снегопада никто не ездил. Тишина такая, что совсем не верится, как через месяц здесь всё запоёт, засвистит.

— Кажется, я зря взял свой микрофон.

— Я могу вам снегом похрустеть, — говорит Наташа.

— Хорошее предложение! — смеюсь я. — Пройдись вот так вот мимо, а теперь удаляйся.

В наушниках только мягкое хрупанье снега и больше ничего.

Всё, солнце меж тем ушло, но и не сильно темно пока. Мы долго стоим, ждём сов. Ничего и никого. Собаки далеко-далеко в Сопках лают. «Мааау» — это рысь. Ооо! Рысь закричала в густых сумерках. «Мааау — мау-мау», и замолчала, но далеко, очень далеко. А сов нет.

Подмораживает, но не холодно. Тихо, безветренно в ночном лесу и удивительно уютно. Через полтора километра, на следующей точке, уже в полной темноте, без проигрывания голосов, и опять слишком далеко для записи начинают кричать длиннохвостые неясоти. Сначала самец заухал, а потом «хав» — хрипло залаяла самка, «хав». Самец сразу сменил стиль — выдал долгую восходящую низкую трель «ув-ув-ув-ув-ув-ув-ув-ув». И вот раз за разом: самочье «хав» и трель самца, потом «хав», и самец. И что там, в темноте, у них происходит, никто не знает.

Ну хорошо, наслушались, теперь к машине. Мягкий снег, мост через речку, слышно — мотор заработал, Толя нас ждёт. Бах-бах в ночной тишине дверями, и, подсыпая от тепла, едем домой в свой маленький деревянный городок в луче света среди тьмы.

Пушино, 4 марта 2011 года

Вот он, первый по-настоящему весенний денёк в этом году! Весь день стучит по крыльцу капель, и с крыши падают пласты мокрого снега. И хотя сугробы за домом ещё свежие и мягкие, с утра звенят синицы и высвистывает поползень. Вот сейчас — полшестого вечера, а синичка всё не

умолкает. Поёт, правда, очень просто — всего два слога «цинъ-синь, цинь-синь, цинь-синь» туда-сюда, как качельки крохотные раскачивает. А небо к вечеру голубое со светлыми, желтоватыми облаками.

Москва, март 1988 года

В старших классах школы мы с друзьями почти каждую неделю с января по апрель ездили из Дмитрова в Москву за мотылём и мормышками, потому что были заядлыми любителями подлёдного лова.

Ездили в магазин «Рыболов», что у платформы Окружной Савёловского направления. Перед магазином кооперативщики тогда торговали самодельными мормышками самых разных форм и цветов: «уралочками», «чёртиками», «капельками», яркими блёсенками для зимней рыбалки и светящимися розовыми или оранжевыми кивками.

Мы обычно толклись вокруг лотков, разглядывали мормышки, слушали разговоры опытных рыбаков, потом клали газетный кулёчек с мотылём во внутренний карман куртки, чтобы не замёрз.

Но перед тем, как уехать, мы заворачивали ещё к ларьку с мороженым. Брели там «Лакомку» или «Крем-брюле» в брикете и, поедая мороженое, шли, намешивая снежное крем-брюле под ногами, на электричку. А один раз, подходя к ларьку, чуть не повалились в грязную снежную кашу со смеху.

На крыше ларька вместо привычных воробьёв сидели утки-кряквы. Прямо вот так, несколько селезней и уточек сидели на ларьке и с любопытством, свесив на длинных шеях головы, следили за покупателями и ждали угощения.

Очень много тогда зимовало уток в Москве, никто их не трогал, и они, как голуби, иногда путались под ногами.

Пушино, 7 марта 2010 года

За несколько лет присутствия кормушки на окне заметил, что всякие «интересности» слетаются к ней осенью и весной. Да это и предсказуемо. Осенью одни «редкости» ещё не улетели, весной другие уже подтягиваются.

Так вот, сегодня мы завтракали в компании с воробьями, синицами, поползнем и... средним пёстрым дятлом! Первым в этом году! Яркий самец. Таскал сухарики белого хлеба из кормушки и ел их, закрепив в неровностях коры на стволе белой акации напротив окна.